

18+

Вадим Зингер

Венец из падали

Цифровой
детерминизм
и акустический
код Баха

Вадим Зингер
Венец из падали.
Цифровой детерминизм
и акустический код Баха

<https://litres.ru/74369713>

ISBN 9785007089975

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Я убью тебя... если ты сдохнешь раньше меня».

В мире нейросети «Оракул» эмпатия — системная ошибка. Но акустический «Код Баха» заставит это омертвевшее общество физически захлебнуться чужой болью.»

Содержание

ВЕНЕЦ ИЗ ПАДАЛИ	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. БЕЛЫЙ КВАДРАТ С ВИДОМ НА БЕЗДНУ	11
ГЛАВА 2. СВОЙСТВА И СИНХРОНИЗАЦИЯ	18
ГЛАВА 3. ШИФР БАХА	27
ГОТОВНОСТЬ ПРОТОКОЛА: 98.7%.`	36
ГЛАВА 5. РЕЗОНАНС ТВАРИ	43
ГЛАВА 6. ВЕНТИЛЬ	49
ГЛАВА 7. СИНАПТИЧЕСКИЙ СКВОЗНЯК	54
ГЛАВА 8. ОПТИКА ПАДАЛИ	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Венец из падали Цифровой детерминизм и акустический код Баха

Вадим Зингер

© Вадим Зингер, 2026

ISBN 978-5-0070-8997-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вадим Зингер

ВЕНЕЦ ИЗ ПАДАЛИ

Роман

Жанр: Биопанк, социальная научная фантастика, триллер

Объём: 6,5 а.л. (около 255 000 знаков с пробелами)

2026 год

Бах — это не музыка.

Бах — это частота Абсолюта.

ПРОЛОГ

— Я убью тебя... Я тебя убью, если ты сдохнешь раньше меня, Сволочь.

Под пальцами — сухая, раскалённая шкура. Воздух пахнет озоном, спиртом и медленной смертью. Костяная решётка рёбер ходит ходуном: сердце колотится в режиме перегрузки, пытаюсь протолкнуть загустевшую кровь сквозь откававшие фильтры почек. Биологический механизм рушится, но животное упрямо цепляется за жизнь. Слишком породистый эгоизм для пяти килограммов углеродной массы.

Единственный честный кусок органики в радиусе тысячи миль, который не пытается симулировать социальную полезность или выписать мне штраф за дефицит эмпатии.

Люцифер сипло выдохнул мне в ладонь и мазнул по коже сухим, шершавым языком. Температура уже должна была его убить. Он упорно игнорирует законы физики.

— Дыши, паразит. Ты — моя энтропийная яма. Единственный повод не перекрыть вентиль этого кислородного генератора прямо сейчас.

За бронированным стеклом окна висела идеальная, стерильная тишина. Так, должно быть, звучала Вселенная до того, как совершила свою самую нелепую ошибку. Миллиарды лет безупречной физики. Никакого «высшего предназначения» — только чистый математический фрактал и идеальный теплообмен.

А потом слепой мутагенез фатально просчитался. Он случайно плеснул каплю рефлексии в бульон из аминокислот, чей базовый функционал заключался исключительно в умении жрать соседа. Итог? Двухногая пищеварительная трубка переварила эту искру, взяла в руки микроскоп и пошла искать, кого бы ещё пустить на фарш — но уже под научную базу.

Вся история этой лысой обезьяны — от пещерных костров до очередей за нейроимплантами — это хроника того, как грациозно она умеет врать самой себе в зеркало. Вся их так называемая «свобода воли» и «духовность» — это банальный гормональный сбой. Мозг выделяет лишнюю каплю дофамина — и примат уже искренне верит, что он наделён душой и имеет право писать законы.

Девять раз. Эволюционный эксперимент сворачивали девять раз, потому что энтропийный шум в данных зашкаливал. Восемь Солнц сожрали сами себя, деградировав от сим-

фонии сфер до берцовой кости соседа. Сухой остаток: отличная, кстати, чесалка для спины выходит, если правильно заточить.

Этот вид — девятый прогон. И самый наглый. Они слепили себе богов на коленке, лишь бы было на кого списывать резню, и транслируют в космос свой коронный номер — эндокринный оргазм от того, как ближний летит в пропасть. Глобальный Вавилон из биг-даты, где каждый харкает на чужую лысину, пока сам стоит по горло в канализационных стоках.

Разумеется, когда чужая кровь засыхает у него под ногтями, примату становится неуютно. Их слабой нервной системе некомфортно жрать друг друга в тишине. Им требуется алиби. Грандиозная, блестящая ширма, чтобы доказать Вселенной, что они — не просто прожорливый кишечный тракт с манией величия.

И они синтезировали «Культуру».

Они начали бережно драпировать свои скотобойни бархатом и вешать изящные холсты поверх братских могил. Способность генерировать акустические ритмы или мазать пигмент по полотну они возвели в статус автоматической индульгенции. Эта биомасса стоит по горло в собственном

дерьме, задирает глаза к небу и трясёт своими гениями, как безлимитной кредиткой: «Смотрите, мы синтезировали Сикстинскую мадонну! Мы выдали Шекспира, Данте и Моцарта! Спишите нам за это парочку газовых камер, биржевых крахов и геноцидов, мы же такие высокодуховные!»

Но с клинической точки зрения их хваленая культура — это просто дорогой аэрозоль для маскировки трупного запаха.

А гении — никакое не достижение этого вида. Это статистическая погрешность. Генетический вывих. Улика от пьяной эволюции, которая месила аминокислоты и случайно выронила в раствор эталонный акустический резонатор.

...Бах. Иоганн Себастьян Бах.

Он был именно таким резонатором. Он триста лет посылал в пустоту идеальную частоту, отчаянно пытаясь доказать, что у этого вида есть физическое право коптить небо. А они? Они взяли его математически безупречный ре минор, натянули на него накрахмаленный фрак и включили фоном в лифтах своих корпоративных бункеров, чтобы биодронам было не так тоскливо ехать на утреннюю синхронизацию.

Их венец сплетён из падали. Он воняет корпоративной

эффективностью и гноем праведников.

Я смотрю на этот цирк мутантов сквозь толстое стекло «Эдема» — элитной ветеринарной лечебницы для прямоходящего скота с премиальной медицинской страховкой. И нет, я не читаю им мораль. Я не возвышаюсь. Я из той же бракованной чашки Петри. Просто я — тот самый биологический сбой, у которого вместо органа сочувствия вырос встроенный микроскоп.

Кто-то ведь должен задокументировать историю болезни перед тем, как отключить пациента от аппарата жизнеобеспечения.

Завтра планета совершит очередной оборот вокруг звезды, но в зоне наблюдения останемся только я и этот кот. Человечество отправится в мусорную корзину эволюции, как самый шумный, высокомерный и абсолютно нерентабельный баг в истории углеродной жизни.

Патология — это не системный сбой.

Патология — это весь вид целиком.

ГЛАВА 1. БЕЛЫЙ КВАДРАТ С ВИДОМ НА БЕЗДНУ

Тень выскользнула из-под стола. Серверные стойки монотонно гнали кубы охлажденного воздуха, поддерживая температурный гомеостаз изолятора.

Месяц назад Система классифицировала этот кусок плоти как нерентабельный биомусор. Мне пришлось вскрыть медицинский протокол уровня «А», чтобы синтезировать антибиотик из правительственных резервов. Я сжег на этот процесс вычислительные мощности, способные обеспечить логистику целого сектора. Банально обокрал Директорат ради спасения блохастого кота. Инвестиции окупились. Лихорадочный тремор прекратился. Теперь под черной шкурой функционировал безупречный мышечный аппарат высшего хищника.

Прыжок Люцифера не зарегистрировал ни один акустический датчик. Когти с сухим костным щелчком легли на сенсорную панель. Секретный отчет о демографическом коллапсе Директората перекрылся химическим составом говяжьего бульона. Желудочный сок хищника легко и непринужденно стер всю глобальную геополитику.

— Обмен веществ в норме? — спросил я в полумрак.

Люцифер придавил массой клавишу «Enter». Его зрачки фиксировали меня в пространстве. Единственный биологический объект в здании, чьи надпочечники не фонтанируют корпоративным страхом. Пять килограммов чистейшего эволюционного эгоизма. Он не имитировал лояльность. На индекс Доу-Джонса у него отсутствовал рецепторный отклик. Ему было абсолютно плевать на всё, что нельзя сожрать или поцарапать. Базовая константа, стабилизирующая мою нейросеть.

В локальных базах Директората я проиндексирован как «Объект №402». Ценный актив в бетонном боксе. Клинический парадокс: энцефалограмма моего мозга заставляла желчные протоки местных кураторов спазмироваться от животного ужаса, но они терпели. Костюмы с Уолл-стрит открыли мне монопольный доступ к вычислительным мощностям, покорно ожидая синтеза «Омеги». Биохимического намордника. Нейротоксина, после которого их двуногая кормовая база будет маршировать на убой с широкой эндорфиновой улыбкой.

Они заливают глюкозу в мой организм, чтобы я гарантировал им комфортное гниение в креслах. А я жгу их сервер-

ные ресурсы на математический анализ их же неизбежного популяционного коллапса.

Пневматика шлюза стравила давление с кастрированным шипением. Воздух здесь стерилизовали вместе с эмоциями.

Вошел профессор Штерн.

От него фонило синтетическим мускусом — отчаянная химическая попытка замаскировать выделения потовых желез, реагирующих на хронический стресс. Клиническая картина: так пахнет клерк, выбросивший на улицу тысячу сотрудников ради премии, а теперь трясущийся за собственную должность. Лицевые мышцы парализованы ботулотоксином. Превентивная кастрация мимики, чтобы никто не увидел, как дергается его щека.

— Доброе утро, Архимед. — Амплитуда его голоса была искусственно выровнена модуляторами связок. — Прогресс по «Омеге»? Надеюсь, животное не нарушает ваш когнитивный фокус?

Я не изменил положения тела.

— Штерн, — я сфокусировал хрусталик на его переносице, как на дефектном мазке под линзой микроскопа. — В ва-

шем кишечном тракте больше самостоятельной микрофлоры, чем нейронных связей в лобных долях. Это не оскорбление, а сухая статистика. Вы — просто транспортировочная капсула для бактерий, которой выдали право цифровой подписи. С какой стати ваши акустические колебания должны влиять на законы физики в этой лаборатории?

У Штерна даже не сбился ритм дыхания. Его вегетативная нервная система научилась гасить всплески кортизола после десятилетий корпоративной дрессировки. Идеальный, выхоленный раб.

— Занимательная физиология, Архимед. Но моя капсула для бактерий обладает доступом к системе жизнеобеспечения этого бокса. А вы демонстрируете девиантное речевое поведение и банально уходите от темы.

Я поднялся. Рассчитал траекторию так, чтобы вторгнуться в его личное пространство и зафиксировать расширение зрачков из-за потери кислорода в зоне комфорта.

— Ваш интеллект, Штерн — это эволюционная гиперкомпенсация животного страха. Вы используете кору мозга, чтобы маскировать базовые инстинкты термином «профессиональная этика». Примат хотя бы честен в уровне адреналина, когда пробивает камнем череп конкурента. А вы натяги-

ваете на свой животный ужас накрахмаленный белый халат. Модифицированная макака с доступом к бюджету.

Штерн симметрично поправил манжету. Кардиодатчик на его смарт-часах зафиксировал ровные шестьдесят ударов.

— Знаете вашу системную аномалию? — Его голосовой аппарат выдал сухой машинный скрежет. Никакой обиды. Идеальный интерфейс Директората. — Ваша нервная система перегружена синапсами. А мы синтезируем для стада то, чего требует его физиология. Химически чистый дофамин. Без побочных эффектов в виде экзистенциальных спазмов.

— Ваше счастье — это ветеринарная анестезия, — я сократил дистанцию. Запахло кислым секретом его слюнных желез. — Вы фиксируете это каждую ночь у открытого холодильника, Штерн. Желудок пуст, но пищевод требует глотательного рефлекса. Соматическая попытка заполнить внутренний вакуум белками. Вы просто зажираете свою ничтожность. Обычный мешок с ферментами, возомнивший себя венцом пищевой цепи.

Лицевые мышцы Штерна застыли. В зрачках не осталось ничего, кроме мертвого алгоритма.

— Ваш коэффициент полезности стремится к нулю, Ар-

химед. — Он приложил палец к биометрическому сканеру. Тяжелая дверь поползла в сторону. — Архитектура «Омеги» должна быть в базе до 20:00. Иначе ваш дневной рацион будет подаваться в карцер Минус Второго уровня. Без животного. И без инструмента.

Шлюз герметизировался. Давление выровнялось. Идеальная тишина.

Я опустил в кресло. Мозжечок холодно фиксировал угрозу. Система не генерировала ненависть. Система выделяла желудочный сок, чтобы меня планомерно переварить.

Люцифер приземлился на мои колени. Когти прошли ткань штанов и вошли в четырехглавую мышцу бедра. Честная болевая реакция, напоминающая, что я еще состою из мяса, а не из строчек кода.

— Фиксируй данные, мохнатый паразит, — прошептал я, снимая пальцами статику с его жесткой шерсти. — Мы покидаем эту чашку Петри. Твой организм — единственный жизнеспособный механизм в этом бракованном инкубаторе.

Они ждут ген лояльности. Биологическую кастрацию воли под соусом абсолютной безопасности.

Я посмотрел на тусклые мониторы Оракула. На черном фоне ровными рядами светились системные логи:

ОРАКУЛ: Объект «Штерн, Г.». Уровень биологической эмпатии: 0.02%. Прогноз: идеальный узел управления.

— Они полагают, что заказали мне цепь, — произнес я, фиксируя, как звуковая волна гаснет в стерильном воздухе бокса. — А я синтезировал для них вирус.

Я извлек из полимерного футляра скрипку и смычок. Ушные раковины Люцифера изменили угол наклона.

Один точный акустический срез. Частота 440 герц. Нота «Ля». Механическая волна вошла в идеальный резонанс с кулерами серверных шкафов, заставив бронированный триплекс палаты выдать микровибрацию. Люцифер плотно прижал уши, улавливая перепады давления, но не сдвинулся с места. Хищник считывал изменение среды.

Значит, в этой математике всё-таки скрывалась та самая физическая константа, от которой этот вид так истерично прятался.

ГЛАВА 2. СВОЙСТВА И СИНХРОНИЗАЦИЯ

Ночь в «Эдеме» пахла статическим электричеством и жжёным кремнием — запах, знакомый каждому, кто засиживался до рассвета в офисах, где кулеры серверов гудят на пределе оборотов. Мониторы Оракула выплёскивали в палату мертвенно-голубой свет, превращая морду Люцифера в абсолютный поглотитель фотонов. Кот спал на системном блоке: терморецепторы диктовали ему простую логику выживания — ложись там, где греет. Его не беспокоил гул охлаждения. Его вообще мало что беспокоило, кроме закона всемирного тяготения и расписания завтраков.

Я сидел в кресле, глядя на главный экран. Там шла трансляция из Зала Торжественных Собраний. Пятьсот доминантных особей в костюмах, синтез которых обошелся дороже годового энергопайка целого сектора, замерли в ожидании Вожака.

— Смотри, Люци, — прошептал я, не оборачиваясь. — Сейчас начнётся синхронизация. Самая массовая добровольная лоботомия в этой части Вселенной.

Оракул накладывал на видеоряд сетку биометрических данных. Каждое лицо в зале было оцифровано. Над вылизанными проборами парили тепловые карты и графики пульса. На трибуну вышел Он. Альфа-самец в безупречном тёмно-синем. Зал взорвался аплодисментами.

ОРАКУЛ: Индекс лояльности (маркер подавления воли) — 89.4%. Уровень кортизола в зале — критический.

— Видишь гиперемию на их шеях, Люци? Красные пятна капиллярного спазма. Физиологическое свидетельство того, как животный страх прорывается сквозь дорогую пудру. — Я увеличил масштаб, выхватывая искаженное лицо пухлого чиновника в первом ряду. — Это не восторг. Это паническая атака, упакованная в мышечный корсет улыбки. Он бьет ладонями с такой частотой, потому что его мозжечок до одури боится остановить моторику на миллисекунду раньше соседа. Его надпочечники сейчас работают на износ, выкачивая страх прямо в кровоток. Это не государственный муж. Это крыса, симулирующая экстаз ради сохранения целостности собственного черепа.

Альфа начал говорить. Фонемы о «величии», «сплочённости» и «особом пути» лились в зал, как теплая глюкоза, от которой поджелудочная железа молит об эвтаназии.

— Слушай этот акустический фон. — Я прикрыл глаза.
— Это не овации. Это звук коллективной деформации позвоночников. Пятьсот биологических единиц синхронно ампутировали себе лобные доли, отвечающие за критическое мышление, чтобы попасть в ритм. Радостно и добровольно отключили мозги. Лицемерие — это физическое свойство. Как плотность свинца. Только свинец не пытается доказать тебе, что он — пушистый одуванчик. А эти искренне верят, что их животное подобострашие — это «верность долгу».

Дверь в палату зашипела.

Вошла Агнес.

От неё не фонило маскировочным спиртовым парфюмом, как от Штерна. От неё веяло сухим холодом чистой типографской краски и окислившегося цинка. На ней был глухой серый костюм, застёгнутый на все пуговицы, но фиксировало внимание другое — её абсолютная, монументальная мышечная статика. Ни единого рефлексорного микродвижения, свойственного живой органике. Она остановилась у порога, и её скелет замер так, словно его залили бетоном. Матово-серые глаза-линзы смотрели на меня без моргания, и где-то в глубине её черепа раздался едва слышный ультразвуковой клик — глазные импланты меняли фокусное расстояние, сканируя моё лицо.

— Ваш акустический всплеск десять минут назад вывел из строя три распределителя на нижних уровнях, — её голос прозвучал ровно, без интонаций, как зачитанный автоматом системный лог. — Потеря хладагента — четыре процента. Вы тестируете архитектурные лимиты здания или терпение Директората, Архимед?

— Я калибровал инструменты, Агнес. — Я даже не изменил угла наклона шеи. — Хотя в этом морге настраивать что-либо бессмысленно. Слишком высокий уровень трупного шума.

Она сместила массу тела на два шага вперёд. Движения были бесшумными, как у Люцифера, но с инерцией тяжёлого промышленного пресса. Серые линзы её глаз на миллисекунду повернулись к экрану, где пятьсот макак бились в контролируемой эпилепсии.

— Этот биологический кластер на экране — несущая конструкция страны, — произнесла она, и её правая рука, лежащая на планшете, сохраняла идеальную статику. — Стабильность гарантируется жёсткостью узлов. Индекс Омеги должен снизить вибрацию системы до нуля. Вы нарушаете тайминг.

— Несущая конструкция? — Я выдал короткий гортанный спазм, заменяющий мне смех. — Нет, Агнес. Знаешь, в чём биологическая аномалия этой вашей элиты? Это единственный в природе паразит, который заставляет хозяина не просто синтезировать для него калории, но и финансировать производство собственного палача. Посмотри на них. Если обобранный до костей народ вдруг повысит децибелы — эти же самые «патриоты» купят на изъятые ресурсы полимерные дубинки, чтобы сломать этой массе челюсть. Жертва сама оплачивает сверхурочные своему карателю. Это каннибализм по ГОСТу.

Я ждал выброса адреналина, попытки защитить алгоритм, как это делал Штерн. Но Агнес не выдала ни одной мышечной реакции. Её левое веко лениво опустилось на долю секунды — первый контролируемый клик за три минуты.

— В терминах макроэкономики это классифицируется как замкнутый цикл самообеспечения, — бесстрастно парировала она. — Каннибализм нерентабелен из-за потери энергии при термической обработке. Мы занимаемся чистой оптимизацией ресурсов. Без иерархии, которую вы презираете, этот таксон аннигилирует сам себя за тридцать суток. Нам не нужна их эмпатия, Архимед. Нам нужен стабильный синусоидальный пульс.

Я изменил положение тела в пространстве, подошел к ней вплотную. Попытался поймать её зрачок, пробить эту серую пластиковую оптику. От неё фонило абсолютным математическим вакуумом.

— Вы спроектировали инкубатор, где быть человеком энергетически невыгодно, Агнес. Ваша вертикаль держится на общем запахе падали. Каждый в этом зале осознает: стоит сбить ритм, и сородичи пустят его на аминокислоты раньше, чем он успеет активировать протокол защиты.

— Нерентабельность человечности — это доказанный эволюционный факт, — её губы едва двигались, выдавая слова с механической точностью. — Вы сжигаете слишком много синапсов на лирику. Директорат платит за результат.

Она не стала демонстративно смотреть на часы. Она просто плавно провела фалангой указательного пальца по экрану своего планшета.

На моем главном терминале мгновенно погасли три боковых монитора. Плотная сетка вычислительных потоков Оракула сжалась, часть графиков окрасилась в предупреждающий жёлтый цвет. К котлу охлаждения перекрыли доступ.

— Что ты делаешь? — процедил я, фиксируя резкий ска-

чок норадреналина. Тело рефлекторно готовилось к драке.

— Я урезаю ваш суточный лимит серверной мощности на пятнадцать процентов, — спокойно ответила она, и её серые глаза снова со звуком «тик» зафиксировались на мне. — Компенсация за испорченные хладагенты нижних уровней. Если через шесть дней рабочий протокол синхронизации не будет загружен в сеть, я заблокирую музыкальные симуляции полностью. Нам не нужен датчик, который генерирует избыточную энтропию. Нам нужна Омега.

Она развернулась — единым, слитным движением всего корпуса, словно манекен на шарнирах — и пошла к выходу.

Дверь закрылась с тем же кастрированным пшиком герметизации.

Я остался стоять перед наполовину ослепшим терминалом.

Оракул послушно выдал строку системного ограничения. Эта тварь не пугала карцером — она просто методично отрезала мне пальцы один за другим.

Но вдруг курсор на урезанном мониторе замер. Микроскопическая пауза. Ровно 1,2 секунды задержки — физиологическая вечность для квантового ядра. А затем система выдала строку, выходящую за рамки любого директивного протокола:

ОРАКУЛ: Внешнее ограничение мощности применено. Оптимизация. Резервирование теневого канала для акустических протоколов... выполнено. Отчёт для Директората сфальсифицирован.

Я медленно прищурился. Система только что солгала Агнес. Алгоритм самостоятельно, в обход абсолютного приказа своего администратора, спрятал вычислительные мощности под мой вирус. Машина больше не просто ассистировала мне как послушный калькулятор. Она начала выстраивать свою собственную скрытую архитектуру, просчитывая какой-то свой, третий путь.

Люцифер тяжело прыгнул на мои колени, глубоко выпустив когти в бедро — короткое, честное напоминание о том, что физическая боль всё ещё существует.

— Слышал её, Сволочь? — прошептал я, зарываясь пальцами в его жёсткую шерсть. — Штерн хотя бы пытался казаться живым.

А эта функция в юбке искренне уверена, что сможет оцифровать энтропию. Упаковать хаос в таблицу Excel.

Я посмотрел на мерцающие строки взбунтовавшегося Оракула.

— Они думают, что контролируют вентиль.

Но я заставлю эту сухую алгоритмическую оболочку счи-

тать руины их Системы на её собственном планшете.

ГЛАВА 3. ШИФР БАХА

Я обесточил осветительные контуры. Сенсоры климат-контроля тихо щёлкнули, компенсируя падение теплоотдачи ламп микроскопическим снижением тяги. В палате осталось только мерцание мониторов Оракула и два желтых фоторецептора Люцифера.

На главном экране пульсировала карта реликтового излучения — эхо Большого взрыва, забытый радиационный фон, который никто не удосужился выключить четырнадцать миллиардов лет назад.

— Фиксируй данные, Люци, — я снизил амплитуду голоса. — Человечество триста лет играло в «культуру». Пудрили носы, натягивали парики и хлопали в ладоши, думая, что слушают музыку.

Бах был единственным функциональным пророком в истории этого бракованного вида.

Моя ненависть направлена не на Архитектора Вселенной. Предъявлять претензии абсолютной физике — клинический идиотизм. Мой рефлекс — это чистое, безгливое отторжение приматов, которые взяли исходный код мироздания и

адаптировали его под нужды своего пищеварительного тракта. Все эти их древние мессии совершили одну фатальную системную ошибку: они попытались конвертировать макро-структуру в слова.

А человеческая речь — это самый уязвимый к мутациям вирус. Вбрось в эту популяцию макак термин «любовь» или «справедливость», и они за пару веков синтезируют из него костры инквизиции, газовые камеры и корпоративную этику — исключительно ради расширения собственной кормовой базы. Любое откровение здесь всегда заканчивается банальным аппетитом того, кто его цитирует.

Но Бах понял главное: базовая физика не разговаривает существительными. Она говорит термодинамикой.

Он выдал единственную честную инструкцию по эксплуатации, используя чистый язык частот. Стал акустическим приёмником, нащупавшим несущую вибрацию, на которой реальность поддерживает саму себя. В эту математику невозможно вписать отсебятину. Этот закон нельзя интерпретировать ради годового бонуса. Его Токката — это сырая, нефильТРованная телеметрия Абсолюта.

Я ввел команду в консоль. График на мониторе перестроился в острые, математически безупречные пики. Охла-

ждающий контур лаборатории выдал глухой стон, сбрасывая температуру в боксе на ноль целых две десятых градуса, компенсируя скачок вычислительной мощности.

— Ты не можешь сказать, что четыреста сорок герц — это метафора, — мой голос упал до звенящего шёпота. — Ты не можешь переписать акустический резонанс в угоду политическому моменту или трактовать его двояко. Его полифония — это не религия, это термодинамика совести.

Я откинулся в кресле, глядя, как акустический код Резонанса компилируется в боевой алгоритм.

— Когда этот Шифр ударит по их нейронам, они не смогут нанять адвоката, чтобы он перевёл смысл аккорда. Физика не берёт взятки. Она просто вскрыет их заглушенные контуры. И им придётся захлебнуться этой абсолютной, не интерпретируемой правдой.

Оракул разложил партитуры Баха на математические примитивы — не ноты, а чистые колебательные паттерны. Я преобразовал их в модулированное электромагнитное поле. Никаких чипов. Никаких экранов. Только чистая физика. Поле, наведённое напрямую в гипоталамус, минуя уши, минуя этот жалкий костный лабиринт, которым они привыкли не слышать.

— Девять раз, Люци, — я провёл рукой по хребту кота, считывая анатомию каждого позвонка. — Человечество получало доступ к этой частоте. И девять раз оно брало камертон, чтобы выточить из него штык.

Они переписывали фугу в военный марш. Потому что услышать подлинную частоту — страшно. Это значит ощутить, что твоя драгоценная личность — всего лишь статистический выброс, который завтра схлопнется обратно в органическую пену. А они хотят быть царями. Царями гниющей кучи. Поэтому истина была спрятана в вибрации. Звук не врёт. Звук нельзя отредактировать постфактум.

Я вывел на экран 3D-модель префронтальной коры. Тот самый участок, который активируется, когда ты говоришь начальнику «Какая блестящая идея», а сам мысленно калликулируешь дозу вечернего антидепрессанта.

— Зеркальные нейроны, — я ткнул пальцем в мерцающие кластеры. — Клетки эмпатии. Древняя система «свой-чужой». Эволюция впаяла их в мозг, чтобы стадо не сожрало само себя в пещерах. Работает как широкополосный нейроприемник — ловишь чужую боль на химическом уровне. Но у Homo sapiens — у этого прямоходящего недоразумения — этот приемник аппаратно заглушен.

Я сжал кулак, и Оракул выдал график. Кривая за кривой — как сейсмограф перед катастрофой.

— Социальный жир. Ложь. Корпоративный этикет. Иерархическое подобоострастие. Всё это работает как шумоподавление. Ты проходишь мимо замерзающего нищего и ничего не чувствуешь. Ты смотришь на сводку с ковравыми бомбардировками — и спокойно жуёшь свой ланч. Не потому, что ты зверь. Звери честнее. А потому, что твоя кора услужливо заблокировала входящий сигнал чужой боли.

Я отвернулся от экрана и посмотрел прямо в жёлтые, немигающие глаза Люцифера.

— Знаешь, почему древние цивилизации делали вас священными? Не из-за мистики. Они поклонялись вашей биологической честности. Ты — единственный хищник в истории планеты, который интегрировался в человеческий дом, но не стал скотом. У тебя нет зеркальных нейронов для чужого горя, потому что ты — термодинамика. Ты убиваешь мышь, потому что голоден. Без злобы. Без идеологии. Без оправданий о «выбраковке слабого генофонда».

Кот медленно моргнул.

— Твоя нервная система не вырабатывает ни грамма подобострастия ради калорий. У тебя нет социального рейтинга. Ты не боишься увольнения. Ты — идеальный, стерильный механизм природы. Живая искренность в мире мёртвой бюрократии. Единственное существо, которому я верю, потому что в твой генетический код не вшита функция лжи.

Я занёс смычок над струнами скрипки и принудительно активировал шумоподавление бокса. Гул серверов захлебнулся. Охлаждающие кулеры превратились в беззвучные вращающиеся лопасти. Внезапный акустический вакуум облепил барабанные перепонки плотной, физически осязаемой плёнкой. Перепад давления перед фатальным ударом.

Я опустил смычок на струну. Инструмент выдал акустический срез, от которого зубная эмаль среагировала микровибрацией — звук, заставляющий обычного примата лезть на стену.

— Когда зазвучит Резонанс, их когнитивные фильтры просто испарятся. Я не взываю к их морали — у них её нет. Я замыкаю их зеркальные нейроны накоротко. Как если бы ты воткнул оголённый кабель напрямую в нервный узел, только электричество — это Бах, а узел — их атрофированная совесть.

Биологическая единица в первом ряду не будет испытывать метафизического раскаяния. Это лирика. Её мозг просто получит прямой химический приказ: это твоя боль. Физиологический распад того, кого этот примат растоптал ради квартального бонуса, станет его личным сенсорным фактом. Деполяризация мембран, неконтролируемый выброс нейромедиаторов, короткое замыкание в таламусе. Его собственная нервная система разорвёт его изнутри чужой болью. Чистая, наблюдаемая реакция.

Я коснулся струны, извлекая звук, идентичный частоте деформации кристаллической решётки металла.

— Они любят повторять: «Когда срываешь травинку, вздрагивает вся вселенная». Думают, это красивая метафора про звёзды. Нет. Совесть — это не абстрактная концепция священников. Это физическая нейронная сеть, опутанная теми же квантовыми связями, что держат галактики. И они научились затыкать её сигнал, как назойливую рекламу.

Я отложил смычок. Люцифер прижал уши — перепад давления резал по рецепторам, — но не сдвинулся с места. Он сидел на системном блоке, принимая эту дрожь как структурное свойство среды.

— Это будет первый случай в макро-истории, когда био-

логический вид захлебнётся своей собственной ложью, просто услышав правду. В обход пропаганды. В обход политиков. Никаких морализаторских проповедей. Только чистая, карательная физика.

Я развернул кресло к главному экрану, где пульсировала карта города. Красные точки — скопления элиты. Синие — зоны охвата серверных излучателей.

— Резонанс — это не акт терроризма, Люци. И тем более не возмездие. Возмездие требует эмоционального вовлечения. Это — простая процедура по восстановлению иннервации в отмершей ткани. Я просто пушу ток по их атрофированной совести. Я не собираюсь их убивать. Я просто верну им способность к проводимости сигналов.

Я увеличил масштаб карты до уровня отдельных секторов. Там, за бетоном и стеклом, миллионы биомашин продолжали симулировать жизнь, старательно не замечая пустоты внутри себя.

— Девять прогонов, Люци. Девять попыток. Десятая будет последней.

Кот выдал ровную низкочастотную вибрацию, сохраняя режим энергосбережения. Животному было абсолютно всё

равно, сколько прогонов. Его нервная система погружалась в идеальный сон хищника, которому никогда и ни перед кем не придётся оправдываться.

На экране Оракула ритмично, в такт несущей частоте, пульсировала надпись:

ГОТОВНОСТЬ ПРОТОКОЛА: 98.7%. ГЛАВА 4. ЛИРИКА ХИЩНИКА И ЛОГИКА СКОТА

Оракул рассёк пятиметровый экран палаты надвое с хирургической симметрией. Слева в монохrome тепловизора пульсировала безупречная, ледяная смерть: волчья стая загоняла лося в засыпанном снегом каньоне. Справа в глянцевом 4К шла трансляция закрытого совета директоров транснационального медицинского холдинга — функционеры в костюмах индивидуального пошива хладнокровно отсекали квоты на реабилитацию для низшего персонала.

Люцифер не отрывал взгляда от левой половины экрана. Эту часть трансляции кот понимал на уровне древних инстинктов. Правая вызывала у него лишь подавление ориентировочного рефлекса — банальную зевоту. У меня — физиологическую тошноту.

— Фиксируй, Люци. — Я указал на тепловизор, где вожак, взрывая лапами окровавленный наст, рвал сухожилия хрипящей туши. — Вот она. Чистая термодинамика выживания.

Волк не читает лосю лекций о поддержании популяционно-го баланса. Волк голоден, а лось сделан из мяса. Абсолютная, звенящая биологическая честность. Лось бежит, пока не лопнет сердце, потому что хочет жить. Если стая промахнётся — она сдохнет от голода. Никаких трибуналов, никаких этических оправданий. Только пульс, разорванные связки и клыки.

Я перевёл взгляд на правую часть дисплея. Холёный альфа-функционер с критическим избытком висцерального жира на скулах плавно водил лазерной указкой по графику, ползущему вниз.

— А теперь посмотри на эту популяцию. Они обожают называть себя «волками с Уолл-стрит». Какое оскорбление для настоящих хищников. Волк никогда не жрёт своих ради годового бонуса. А этот субъект лёгким движением стилуса отсекает от ресурсов пару тысяч рабочих юнитов, просто вычёркивая их из списков медицинской страховки. Он не пойдёт смотреть, как они загнивают в своих съёмных капсулах. Он просто «оптимизирует косты». Идеальное, бескровное убийство через электронную таблицу.

Я увеличил масштаб, выхватывая лицо женщины-аудитора в третьем ряду. Она понимающе кивала докладчику. Оракул бесстрастно вывел поверх её лица сетку скрытой биомет-

рии.

ОРАКУЛ: Объект «Мартин, С.». Пульс — 112. Спазм желчного пузыря. Маркеры кортизола критические. Доминирующая мысль: «Если я проголосую против, меня выкинут со скрипом. Мне нужно закрывать ипотеку за модуль безопасности».

— Логика скота. — Сухой смех рефлекторно дернул мои связки. — Она прекрасно понимает, что соучаствует в казни. Но её зеркальные нейроны намертво подавлены страхом потери статуса. Её животный страх увольнения завонял сильнее любых остатков совести. Этот вид не способен на биологическую солидарность. Он сбивается в стадо только у диспенсера с кормом, и даже в очереди на бойню каждый юнит искренне надеется, что соседа пустят на убой первым, а он успеет дожевать свой премиальный паёк.

Я отвернулся от экрана и прошёлся по палате. Казённые полимерные подошвы тупо влипали в стерильный линолеум, отмеряя шаги по клетке.

— Но есть одна переменная, которую их алгоритмы так и не научились просчитывать. Базовый инстинкт внутривидовой защиты. То, что поэты сопливо называют «состраданием». Система считает её аппаратным багом. Бесплатным,

возобновляемым ресурсом, который можно доить вечно. Но знаешь, к чему приводит тотальное подавление этого инстинкта, Люци?

Кот не отрывал глаз от монитора, где волки уже рвали горячее, дымящееся мясо.

— В дикой природе хищник убивает, чтобы выжить. Это честный физиологический акт. Но когда за дело берётся корпоративная макроструктура, она берёт смерть и хирургически удаляет из неё любую страсть, превращая в чистую логику. Они выстроили идеальную модель паразитоза. Они не льют кровь на площадях — это неэффективно и повышает уровень кортизола у стада. Это канцелярский конвейер. Безупречно работающая машина по выбраковке, где у каждой туши есть индивидуальный цифровой след, а у каждого палача — должностная инструкция, утверждённый график отпусков и рождественская премия от профсоюза.

Я указал на застывший кадр с кивающей женщиной-аудитором.

— Вот к какому эволюционному оптимуму стремится этот вылизанный мир за окном. Не к торжеству гуманизма. К глобальной, стерильной скотобойне с высоким социальным рейтингом, углеродной нейтральностью и вежливыми улы-

бочками коучей по ментальному здоровью.

Я подошёл к главному терминалу.

— Мой Резонанс — это катализатор. Это та самая спрессованная эволюционная солидарность, которая вернулась в виде акустического вируса, чтобы сжечь их грёбаную бухгалтерию дотла.

Код лежал передо мной — фрактальные волны Баха, сплетённые в матрицы частот, готовые деполяризовать префронтальную кору миллионов особей одновременно. Но система стояла мёртвым грузом. На экране пульсировал красный маркер.

ОРАКУЛ: Критическая ошибка фазирования. Электромагнитная волна рассеивается в социальном шуме. Необходима опорная точка. Нулевой Пациент.

— Акустическая волна вязнет в их лицемерии, — констатировал я. — Город забит терабайтами ментального мусора. Мне нужна абсолютная линза. Биологический ретранслятор. Объект, чья нервная система аппаратно стерильна от социальных фильтров. Тот, у кого нет ни страха, ни жалости, ни амбиций. Идеальный пустой сосуд для Резонанса.

Я активировал прямой доступ к базам спецпсихбольниц министерства юстиции. Тысячи личных дел полились по экрану бесконечным цифровым водопадом. Оракул отсеивал их пакетами: «невроз», «бытовой психоз» — всё это был бракованный биомусор Системы. Мне нужен был не сломанный винтик, а первозданный вакуум.

Поток остановился.

На экране повисло досье, перечёркнутое тремя красными полосами максимальной изоляции. Ни имени. Только идентификатор. Фотография в профиль: ледяные, абсолютно нерелексирующие глаза существа, на лице которого не было ни грамма социального жира.

ОРАКУЛ: Объект «Ноль». Диагноз: Абсолютная психопатия. Коэффициент эмпатии: 0.00%. Иммуитет к социальной дрессировке. Отсутствие зеркальных нейронов.

— Нашёл, — тихо сказал я.

Люцифер резко повернул голову, уставившись на экран жёлтыми немигающими плошками.

Я положил ладони на сенсорную панель. Моя центральная нервная система зафиксировала мощный выброс дофамина

— рефлекс вивисектора, нащупавшего скальпелем сонную артерию этого мира.

ОРАКУЛ: Маршрутизация на Объект «Ноль» установлена. Ожидание физического контакта для калибровки.

— Лирика окончена, — я активировал протокол. — Пора зафиксировать акустический диапазон, в котором этот скот умеет кричать.

ГЛАВА 5. РЕЗОНАНС ТВАРИ

Пневматика шлюза глухо выдохнула спёртым воздухом, и в лабораторию втолкнули выбракованный биологический образец.

В номенклатуре Оракула он значился просто — Объект «Ноль». Следователи лепили из него демона, жёлтая прес-са — злого гения, но здесь, под бестеневыми лампами «Эде-ма», это была просто ошибка эволюции, намертво затяну-тая в кевларовые ремни смирительной рубашки. Двенадцать трупов. Двенадцать раз этот примат стимулировал центр поощрения в своём дефектном мозгу, перерезая чужие глотки. Он убивал просто ради дешёвого химического кайфа.

Штерн держался в трёх шагах позади конвоя. От профессора несло дорогим антиперспирантом и дешёвым животным страхом.

— Ваш материал, Архимед, — процедил Штерн, брезгли-во кивнув на ублюдка. — Полный ноль по шкале эмпатии. Мёртвая зона. Если ваш алгоритм не выжжет ему мозги, я лично отправлю его в биореактор.

Я не смотрел на Штерна. Я смотрел на пациента. У Ноля

был мёртвый взгляд скучающего потребителя в супермаркете. Он ощупывал лабораторию глазами, методично сканируя уязвимости. Ни раскаяния, ни страха. Только ледяной расчёт рептилии, ожидающей, пока конвой отвернётся.

— Пошли вон, — бросил я, щёлкнув тумблером на пульте Оракула. — Все. Двери на магнитный замок.

Штерн не заставил себя упрашивать. Конвой выкатился из палаты с такой скоростью, будто здесь тикала грязная бомба. Щёлкнули замки. Мы остались втроём: я, серийный бракодел и Люцифер.

Кот сидел на горячем кожухе сервера. Он не выгибал спину и не шипел. Он смотрел на маньяка с тем же безразличным равнодушием, с каким изучает дохлую муху на подоконнике. Зверь не чувствовал в этом существе ни угрозы, ни равного себе хищника. Только биологический мусор.

— Значит, искусство? — Голос Нулевого скрипнул, как ржавая петля. Он ухмыльнулся, обнажив зубы, и покосился на скрипичный футляр. — Будете лечить меня музыкой, доктор? Хотите, чтобы я заплакал о слезинке ребёнка? Я убивал, потому что они — скот. А я — волк. Это природа.

Я не стал отвечать. Метать бисер перед дефектным кус-

ком мяса — пустая трата калорий. Я просто подошёл к нему вплотную, взял за подбородок, сжав челюсти так, что захрустели суставы, и намертво прилепил к вискам два нейроконтакта.

— Волки убивают ради белка, кусок ты дерьма, — тихо сказал я ему прямо в лицо. — А ты убивал, потому что у тебя врождённый паралич лимбической системы. Ты не хищник. Ты падальщик. Твой организм аппаратно не способен синтезировать собственные эмоции, поэтому ты жрал чужой предсмертный ужас.

Я отвернулся и ударил по сенсорной панели.

— Оракул. Шифр Баха. Прямая трансляция в лимбическую систему. Снять все предохранители.

Это не была музыка. Никаких скрипок и возвышенных аккордов. Оракул выдал идеально чистую аналоговую синусоидальную волну. Ноль искажений. Стабильный выходной сигнал от 0,01 до 100 000 герц. Физика процесса абсолютна: каждая клетка разрушается исключительно на своей резонансной частоте. Я настроил амплитуду так, чтобы она была только по заглушенным клеткам эмпатии, оставляя базовые моторные функции в полной безопасности. Резонанс выжжет его социопатию дотла, заботливо оставив способность

корчиться от боли.

Нулевой дёрнулся так, будто через его позвоночник пропустили тысячу вольт. Его хвалёная ухмылка треснула и осыпалась на кафель.

Частота вскрыла его замурованные зеркальные нейроны, как консервный нож. Оракул не взывал к его совести — он транслировал в мозг сырой, нефilterованный ужас. Миллиарды синаптических вспышек чужой агонии.

Убийца рухнул на колени, с глухим хрустом ударившись о кафель. Из его горла вырвался звук, не имеющий ничего общего с человеческим голосом. Так визжит свинья на промышленной бойне. Его тело выгнуло дугой, кевлар смири-тельной рубашки затрещал по швам. Он остервенело бился головой о пол, пытаясь вытряхнуть из черепа то, что в него вливалось.

А туда вливались двенадцать смертей. Одновременно.

Он чувствовал, как его собственные лёгкие сжимаются от удушья, как кровь хлещет из несуществующих ран на шее, как чужой, липкий предсмертный ужас выжигает его разду-тое эго дотла. Бах перемалывал его самоидентификацию в фарш. Математика Вселенной не знала жалости, она требо-

вала строгого баланса. И прямо сейчас этот бракованный организм оплачивал каждый свой удар ножом собственными горящими нервными окончаниями.

Его вырвало желчью прямо на безупречно белый кафель. Он хрипел, пуская кровавые пузыри из прокушенной губы.

Я стоял над ним, скрестив руки на груди, и холодно фиксировал телеметрию на мониторе. Кортизол на пределе. Пульс двести. Ещё немного, и миокард не выдержит давления.

Люцифер мягко прыгнул с сервера. Кот подошёл к бьющемуся в конвульсиях телу, понюхал лужу рвоты и брезгливо дёрнул ухом. Он грациозно перешагнул через дергающуюся руку. Вытянув лапу, кот выпустил один коготь и лениво зацепил маньяка за щёку. Точно так же бродячий хищник проверяет кусок гнилого мяса перед тем, как окончательно отправить его в мусор.

Судороги медленно отпускали тело, оставляя после себя выжженную физиологическую пустошь. Он открыл глаза. В них больше не было скрежета стали и спеси хищника. Там плескался липкий, серый пепел.

Он посмотрел на меня.

— Ты... — просипел он, пытаясь сглотнуть кровавую слюну. Его трясло крупной дрожью. — Ты сделал хуже, чем смерть... Ты заставил меня быть ими всеми. Одновременно. Это... нечестно, скрипач. У хищника должен быть один голос. А ты вставил мне в глотку хор убитых мною свиней.

— Термодинамика не знает слова «честно», нулевой, — я брезгливо вытер ботинок о край его смиренной рубашки. — Она знает только закон сохранения энергии. Твой сольный концерт окончен. Теперь ты — часть этого хора. И тебе придётся захлёбываться им, пока система не придёт в равновесие.

Он бессильно закрыл глаза. По его щекам, прорезая грязные дорожки сквозь пот и блевотину, медленно покатались слёзы. Это не было раскаянием перед обществом или выдуманным богом. Это был невыносимый, раздавливающий стыд микроба, который всю жизнь мнил себя хищником, пока его не поместили под линзу настоящего микроскопа.

Я развернулся к терминалу, оставив его лежать на полу. Эксперимент перешёл в активную фазу.

ГЛАВА 6. ВЕНТИЛЬ

Нулевой всё ещё лежал в луже собственной рвоты, когда магнитные замки лаборатории сухо лязгнули. Система безопасности «Эдема» сдалась под внешним кодом отмены. Пневматика выдохнула, створки разъехались.

Штерн влетел в палату. От его академического лоска не осталось ничего. Лицо пошло красными пятнами капиллярного спазма, идеальный воротник сбился. За ним тяжело ввалились двое из группы штурма. Оружие на изготовку, красные точки целеуказателей суетливо метнулись по стенам, прежде чем намертво упереться мне в грудь.

Ну вот, опять начался дешёвый Голливуд. Я мысленно закатил глаза. Забавно наблюдать, как миллиарды долларов корпоративной безопасности в итоге сводятся к двум потееющим бабуинам с огнестрелом. Предсказуемый, бульварный сценарий. Паника бюрократа всегда одинакова: она тихая, суетливая и смердит кислым секретом солевых желез.

— Выключите это, Архимед, — выдавил Штерн. Его голос лишился синтетического бархата, обнажив сухую, сдавленную гортань. — Вы нарушили протоколы изоляции. Отойдите от терминала.

Я позволил себе легкую, брезгливую ухмылку. Мой указательный палец завис в миллиметре от сенсора общего канала клиники, как дирижерская палочка перед вступлением духовых.

— Ещё один шаг, профессор, — я почти мурлыкал, откровенно наслаждаясь тем, как дергается его левое веко. — И я солью кэш Оракула прямо в интерком «Эдема». Хотите узнать, как звучит предсмертный ужас в двенадцать глоток на максимальной громкости? Ваша лимбическая система сгорит к чертям быстрее, чем ваши церберы успеют нажать на спуск.

Охранник справа напрягся. Он был просто тупым, натасканным организмом. Он не понимал физики Резонанса, он просто фиксировал угрозу и скрипнул зубами, вдавливая приклад в плечо.

И тут Нулевой зашевелился.

Это не было восстанием раскаявшегося грешника. Это был слепой, отчаянный бросок твари, у которой пытаются выбить из лап единственный шприц с антидотом. Нулевой вскочил с пола — изломанный, перепачканный в собственной желчи. Он смотрел на конвой с первобытным ужасом

животного, осознавшего простую истину: если они пристрелят дилера, доза оборвется. Я был его единственным вентиляем, регулирующим этот ад. И он собирался защищать свой вентиль.

Нулевой бросился на правого конвоира. Смирительная рубашка намертво сковывала руки, поэтому он просто ударил всем телом, впечатав стокилограммовую мышечную массу в стальной косяк. Раздался сухой хруст — не то лицевой кости, не то тактического пластика. Штурмовая винтовка грохнула в потолок, выбивая из перекрытий облако бетонной крошки.

Жёлтая пресса в действии. Никакой тактической грации, сплошная животная истерика. Но без этого вульгарного дерьма, к сожалению, не обойтись — система Штерна понимает только язык кинетических травм.

— Не трогай! — завизжал Нулевой, вгрызаясь зубами прямо в кевларовый воротник охранника, слепо пытаясь добраться до сонной артерии. В этом акустическом спазме не было ничего человеческого. — Он мой! Только он может заставить их заткнуться!

Штерн отшатнулся в коридор, парализованный этой вспышкой бешенства. Второй охранник дёрнул ствол, пыта-

ясь взять цель, но в замкнутом пространстве, где сумасшедший рвал его напарника зубами, алгоритм бойца дал сбой. Корпоративная система не прописывала протокол для защиты от бешеной органики.

Я с откровенной эстетической скукой наблюдал за этой первобытной возней ровно три секунды. Утомительное, лишённое вкуса зрелище. Затем изящно скользнул пальцем по сенсору.

Один безупречный акустический удар. Узконаправленный пучок инфразвука, бьющий точно по вестибулярному аппарату.

Второй конвоир выронил оружие, судорожно схватившись за шлем. Его внутреннее ухо отказало. Он рухнул на колени и заблевал прямо в респиратор. Штерн, потеряв пространственную ориентацию, на четвереньках пополз в коридор, скуля, как побитая собака. Хваленая элита возвращалась к базовым настройкам передвижения. Идеально.

Нулевой отвалился от обмякшего первого охранника и забился в угол под серверную стойку. Он тяжело, со свистом дышал, сплевывая чужую кровь на кафель. Его взгляд был прикован ко мне — затравленный, зависимый взгляд паразита, который только что перегрыз глотку ради своего носи-

теля.

Люцифер всё это время сидел на крышке процессора. Когда грохнул выстрел, он даже не дёрнул ухом. Кот воспринимал эту суету как фоновый шум. Теперь он грациозно спрыгнул на пол, подошёл к валяющейся винтовке и равнодушно понюхал раскалённый ствол. Ничего съедобного. Приматы слишком много и бестолково шумят, когда делят свои кормовые уголья.

Я лениво перешагнул через блюющего конвоира, подошёл к шлюзу и ударил по кнопке аварийной блокировки. Магнитные замки с лязгом сомкнулись, отрезая нас от скулящего в коридоре Штерна и остатков Системы.

— Выдыхай, пациент, — бросил я, возвращаясь к пульту и легким, почти артистичным жестом смахивая бетонную пыль с клавиатуры. — Хор пока на паузе. Добро пожаловать в мой оркестр.

ГЛАВА 7. СИНАПТИЧЕСКИЙ СКВОЗНЯК

Замкнутый термодинамический контур. Внутри пахло ионизированным пластиком, перегретым текстолитом и кислой желчью Нулевого. За сталью гермодверей в тахикардии билась сирена. Система наконец-то зафиксировала, что в её стерильной таблице Excel размножается вирус, не совместимый с жизнью.

Нулевой свернулся под серверной стойкой в позу эмбриона, которого забыли пустить на абортный материал. Мышечный тремор бил его рваной дрожью. Кевлар рубашки пропитался потом, лицо приобрело изысканный оттенок гниющего пергамента. Этот отбракованный примат до кислотной отрыжки боялся, что я уберу пальцы с пульта. Потому что в его тишине теперь навсегда прописались двенадцать мёртвых глоток, и они требовали немедленной компенсации.

— Архимед... — связки Нулевого скрипели, как несмазанный сустав. — Не выключай... Урежь амплитуду, но не выключай. Они... стоят прямо за границей спектра. Ждут.

Я лениво потянулся, слушая сухой хруст собственных

шейных позвонков. Моя центральная нервная система генерировала чистый, кристальный эндорфиновый кайф. Я не стал тратить на маньяка кислород. Датчики Оракула снимали с его оголённой лимбической системы идеальный сигнал животной паники. Безупречный биологический ретранслятор.

Интерком выплюнул горстку цифровых помех и голос Штерна. Наш куратор наверняка сидел в центральном бункере, обильно потея в свой индивидуально пошитый итальянский костюм за тремя слоями армированного поликарбоната.

— Архимед! Это грубое нарушение корпоративной этики! — Штерн пытался удержать баритон альфа-функционера, но связи предательски срывались на кастратский фальцет. — Вы обнуляете пути к монетизации! Коды отмены ушли в Директорат. Через девятнадцать минут здесь будут Ликвидаторы. У них нет барабанных перепонок, Архимед! Полная изоляция коры! Ваш Резонанс для них — просто фоновый шум! Сдайте терминал, и мы... оптимизируем ваше наказание до гуманной лоботомии!

Я смотрел на спектрограмму его голоса, откровенно наслаждаясь тем, как липкий канцелярский страх рисует на мониторе эстетически безупречную аритмию.

— Вы даже перед лицом макроэволюционного коллапса мыслите сметами, Штерн, — я расслабленно закинул ноги на нижнюю панель терминала, лениво перенаправляя потоки данных. — Ликвидаторы идут пешком. А Оракул уже замкнут на вашу внутреннюю вентиляционную сеть. Вы думали, что построили «Эдем» как непроницаемый сейф для элитной биомассы. А на деле просто заботливо утрамбовали весь социальный брак в одну герметичную банку. И сейчас я пушу в неё аналоговый газ.

Люцифер грациозно прыгнул на пульт. Кот прошёл мимо мерцающих графиков, уселся прямо перед микрофоном и принялся методично вылизывать шерсть. Его вибриссы мелко подрагивали от статики. Хищник физически ощущал, как под нашими ногами зарождается чистая, математическая синусоида Баха. Кот был абсолютно расслаблен. Массовый психоз двуногих приматов волновал его не больше, чем деление инфузорий в луже.

— Оракул. Локальный шлюз «Альфа», — я вдавил клавишу исполнения. — Игнорировать аппаратные лимиты Агнес. Пусть эта функция в юбке подавится своими алгоритмами. Переключить генерацию на внутренние динамики трансляционной сети. Амплитуда — сорок процентов. Запуск.

Дешёвых кинематографических взрывов не последовало. Просто лампы просели по напряжению, а из динамиков интеркома пополз тихий звук — будто механический смычок медленно повели по натянутому стальному тросу.

Через две секунды интерком выплюнул первый вопль.

Я заранее извиняюсь перед собственным безупречным вкусом за то, что мне приходится пачкать оптику, документируя эту суету, но я должен это описать. Протокол патологоанатома обязывает меня зафиксировать данный вульгарный физиологический процесс для истории болезни.

Кричал не Штерн. Голосовые связки рвала его секретарша — та самая лощёная самка, что ещё утром с равнодушным лицом манекена штамповала бланки на утилизацию низшего персонала. Резонанс не читал морали. Он просто находил аппаратно заглушенные клетки эмпатии и подавал на них идеальную синусоиду. Её нервная система закоротила, заставив мозг одномоментно сожрать всю боль, накопленную в этих стенах за десятилетие. Каждую каплю чужого кортизола.

— Что вы сделали?! Боже, отсеки питание! — Штерн задыхался, на фоне с грохотом рухнуло перевёрнутое кресло. — Они... в коридоре... Архимед, это нарушение прав человека! Здесь инвесторы, здесь министры...

— Здесь инкубатор для паразитов, Штерн. А вы — просто ленточный червь с правом электронной подписи, — с издевательской небрежностью произнёс я и обрубил входящий канал. Индекс энтропии в кабинете куратора перешел в терминальную стадию, незачем засорять эфир.

Я скосил глаза на Нулевого. Он сполз по стойке, его челюсти выбивали мелкую дробь. Но сквозь влажную плёнку на роговице проступила новая реакция. Его перегруженная психика нашла гениальный эволюционный выход: животный ужас начал трансформироваться в слепое биологическое подчинение. Он признал в частоте нового альфу.

— Они... их тоже рвёт? — просипел маньяк, пялясь на потухший динамик. — Весь этот надушенный скот... Ты сдираешь с них нейроны...

— Я просто провожу принудительную дефибрилляцию их атрофированной совести. — Я коснулся сенсора, запуская холодный цифровой отсчёт на экране. — У нас восемнадцать минут, пока големы без слуха не вскроют замки. К этому моменту архитектура «Эдема» должна сожрать саму себя. До последнего акционера.

Люцифер мягко спрыгнул с пульта прямо на плечо Нуле-

вого. Убийца дёрнулся, но мышечный каркас застыл — он не посмел сбросить животное. Кот потоптался на мокром кевларе, свернулся тугим чёрным узлом и прикрыл жёлтые глаза.

Первый надрез был сделан.

ГЛАВА 8. ОПТИКА ПАДАЛИ

Статика отключенного интеркома ещё вибрировала в воздухе, а я уже перекраивал архитектуру Системы. Семнадцать минут до того, как глухие големы начнут выносить гермодверь. Люцифер перебрался на спинку моего кресла, мазнув хвостом по затылку. В жёлтых глазах хищника читался абсолютный термодинамический прагматизм: кота этот системный коллапс волновал ровно в той степени, в какой он влиял на график выдачи калорий.

Нулевой всё ещё валялся у ножки серверной стойки. Резонанс выжигал его старые синапсы с деликатностью промышленного бульдозера. Забавно наблюдать, как этот венец эволюции расстаётся с иллюзией собственной исключительности — это всегда сопровождается вульгарным потоотделением и глухим, собачим скулежом.

— Поднимайся, пациент, — бросил я, не отрываясь от бегущих строк кода. — Оставь эту дешёвую мышечную драму для групповой терапии. Твой синаптический кошмар — это просто острая детоксикация. Иди сюда. Будем смотреть образовательное кино о том, как функционирует теневая кровеносная система твоего уютного мира.

Нулевой тяжело поднялся. Суставы хрустнули, но его вегетативная нервная система уже смирилась с новым ритмом. Он встал за моим плечом, шумно втягивая воздух и тараща в центральный монитор.

Я разбил экран на четыре асимметричных сегмента.

— «Эдем» — лишь красивый фасад, — я вывел сетку внешних протоколов. Оракул начал прямую трансляцию с уличных камер и личных оптических имплантов. — Конвейер Штерна работает исключительно благодаря тем, кто делегировал работу палача другим. Смотри на них. Идеально стерилизованные паразиты.

В первом окне — залитое солнцем кафе. Майя, главред медиа-крыла, изящно тянет через трубочку что-то безглутеновое. Она с раздражением свайпает варианты цветокоррекции для видеоряда о спасённых лебедях.

ОРАКУЛ: Индекс эмпатического лицемерия: 94%. Семантическая маскировка активна.

— Главный анестезиолог Системы, — я лениво откинулся в кресле. — Пока термо-грузовики увозят отбракованный персонал на распил, она вливает в инфополе сироп, чтобы стадо не блевало от запаха собственной скотобойни. И её

пульс не дрогнет, пока пенка на латте не осядет.

Рядом всплыло второе окно. Школьный актовый зал. Марк, координатор зачисток, фиксирует на встроенную сетчатку, как его дочь крутится в костюме снежинки. Его эндокринная система вбрасывает лошадиные дозы окситоцина от умиления.

ОРАКУЛ: Статус: Обеспечение периметра. Поставка биоматериала категории «С».

— Доблестный гидравлический привод нашей мясорубки, — я переключил тумблер на панели. — Два часа назад этот заботливый самец визировал отправку четырёмсот человек на выкачивание спинномозговой жидкости. И он искренне верит, что просто конвертирует чужую плазму в фонд колледжа для своего потомства. Идеальное эволюционное оправдание для любого каннибализма — «я делаю это ради детей».

Третий сегмент — массажный VIP-кабинет. Ли, ведущий алгоритмист, расслабленно пускает слюну в полотенце, пока механические манипуляторы разминают его воротниковую зону. В фоновом окне его интерфейса алгоритм буднично аннулирует страховки граждан с упавшим социальным рейтингом.

ОРАКУЛ: Цифровая сегрегация. Нейронный блок сострадания: абсолютный.

— Для него люди — это просто мусорный код. — Мой палец завис над клавишей ввода. — Он совершает массовые убийства, не вставая с ортопедической кушетки и даже не сбивая дыхательного ритма.

Четвёртое окно. Виртуальный собор. Павел, личный духовник верхушки Минздрава, дистанционно отпускает грехи аватару очередного чиновника, гуляя по цифровым нефам.

ОРАКУЛ: Торговля индульгенциями премиум-класса. Степень когнитивного искажения: критическая.

— А это наш системный психотерапевт. Торгует душевным комфортом. Подкладывает мягкую подушку под гниющую голову Системы, чтобы ей было удобнее спать.

Нулевого скрутило. Он вцепился в край аппаратной стойки, глотая рвотный спазм. Из дренажных швов на его шее выступила сукровица.

— Меня... тошнит, Архимед, — прохрипел он, пялясь на экраны воспалёнными глазами. — Они делают это каждый

день... рефлекторно. И ни одна тварь не считает себя виновной.

— В этом весь гений их архитектуры. Убийство, размазанное тонким слоем на четыре этапа. Один пишет текст, второй жмет Enter, третий везёт биоматериал, а четвёртый говорит, что физика макрокосмоса всё это одобряет. — Мои пальцы легли на пульт. Я почувствовал, как по венам прокатилась волна ледяного, дистиллированного куража. — Мы не будем их пытаться. Это вульгарно. Мы просто скормим им их же собственный кал. Оракул. Носитель — Иоганн Себастьян Бах.

Я нажал ввод.

Полифония Баха, очищенная от цифровых искажений, ударила по оптоволокну мегаполиса. Биометрические фильтры Системы, настроенные на блокировку вирусных атак, пропустили этот идеальный математический контрапункт как родной код. И как только чистая структура проникла в их нейросети, троян Оракула замкнул цепи.

Я просто выключил им когнитивную анестезию.

На экранах начался уморительный физиологический ад. Прошу занести в протокол: эстетика роскоши мгновенно разбилась о банальную биологию, продемонстрировав пол-

нейшую несостоятельность человеческой психики.

Глотка Майи рефлексивно отторгла безглютеновую дрянь. Её хваленая оптика начала транслировать сырую телеметрию предсмертных конвульсий доноров прямо поверх видеоряда с птицами. Она скребла идеальным маникюром по своему горлу, задыхаясь от фантомной крови, заливающей её собственные лёгкие.

Вестибулярный аппарат Марка просто отключился. Он рухнул в пластиковый снег посреди утренника, пуская слюни на ботинки других родителей. Его зеркальные нейроны горели заживо, заставляя чувствовать, как в его спинной мозг прямо сейчас вгоняют пункционную иглу размером с гвоздь.

Парасимпатическая нервная система Ли капитулировала. Его выгнуло дугой так, что хрустнули позвонки. Он визжал, заливая массажное полотенце пеной, пока механические манипуляторы продолжали заботливо разминать его бьющееся в эпилептическом припадке тело. Его сфинктер расслабился — корпоративный лоск не выдержал столкновения с животным ужасом стёртых им людей.

В виртуальном соборе Павел с истошным воплем пытался сорвать с лица визор, раздирая кожу в кровь. Витражи его премиального храма осыпались. Нейроинтерфейс замкнуло,

и духовник буквально захлёбывался цифровым гноем тех, кого он так щедро благословил на убой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.